

150
A 107

ПЕРО

и

КАРАНДАШЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1882

Типографія В. С. Балашева. Средняя Подъяческая, № 1.

Вин

ПЕРО И КАРАНДАШЪ

С - ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе В. С. Балашева

1882

Средняя Подъячская, № 1.
2384.

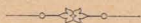
45226-0

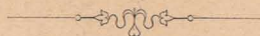
2007057655

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Июля 1882 года.

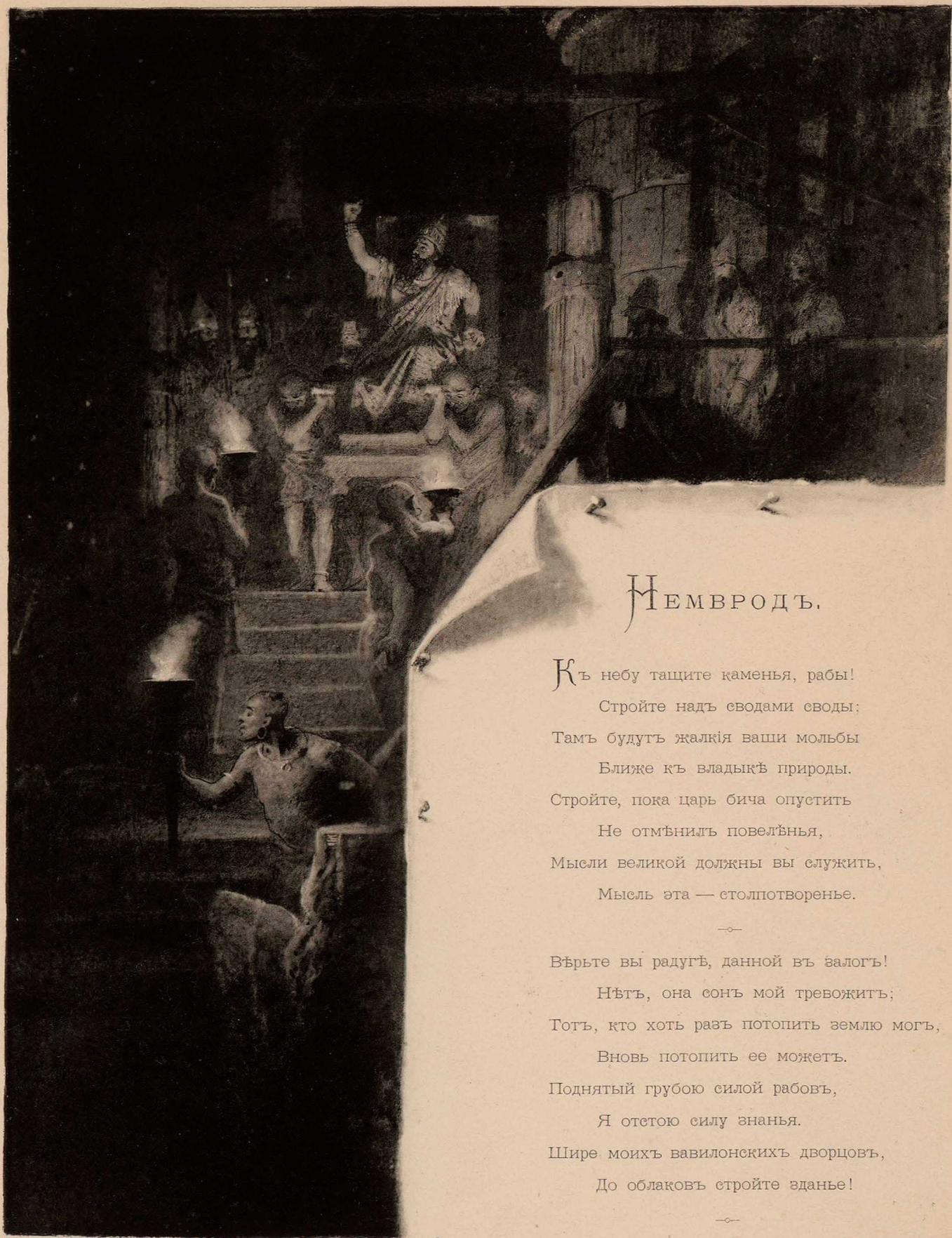
ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Немвродъ.	7. На лодкѣ.
2. Аспазія.	8. Старый орелъ.
3. Подеолнечное царство.	9. На желѣзной дорогѣ.
4. Сатаръ.	10. Отрочество.
5. Качка въ бурю.	11. Чайка.
6. Беда-проповѣдникъ.	12. Натурщица.

Стихи Я. П. Полонскаго. Рисунки: Крамскаго, барона Клодта, Вилье, Савицкаго, Каразина.
Печатано въ типографіи В. С. Балашева, съ клише приготовленныхъ въ фото-
графическомъ заведеніи И. И. Едренова.

МЕМВРОДЪ.

Къ небу тащите каменья, рабы!
Стройте надъ сводами своды;
Тамъ будутъ жалкія ваши мольбы
Ближе къ владыкѣ природы.
Стройте, пока царь бича опуститъ
Не отмѣнилъ повелѣнья,
Мысли великой должны вы служить,
Мысль эта — столпотворенье.

Вѣрьте вы радугѣ, данной въ залогъ!
Нѣтъ, она сонъ мой тревожитъ;
Тотъ, кто хоть разъ потопитъ землю могъ,
Вновь потопитъ ее можетъ.
Поднятый грубою силой рабовъ,
Я отетою силу знанья.
Шире моихъ вавилонскихъ дворцовъ,
До облаковъ стройте зданье!

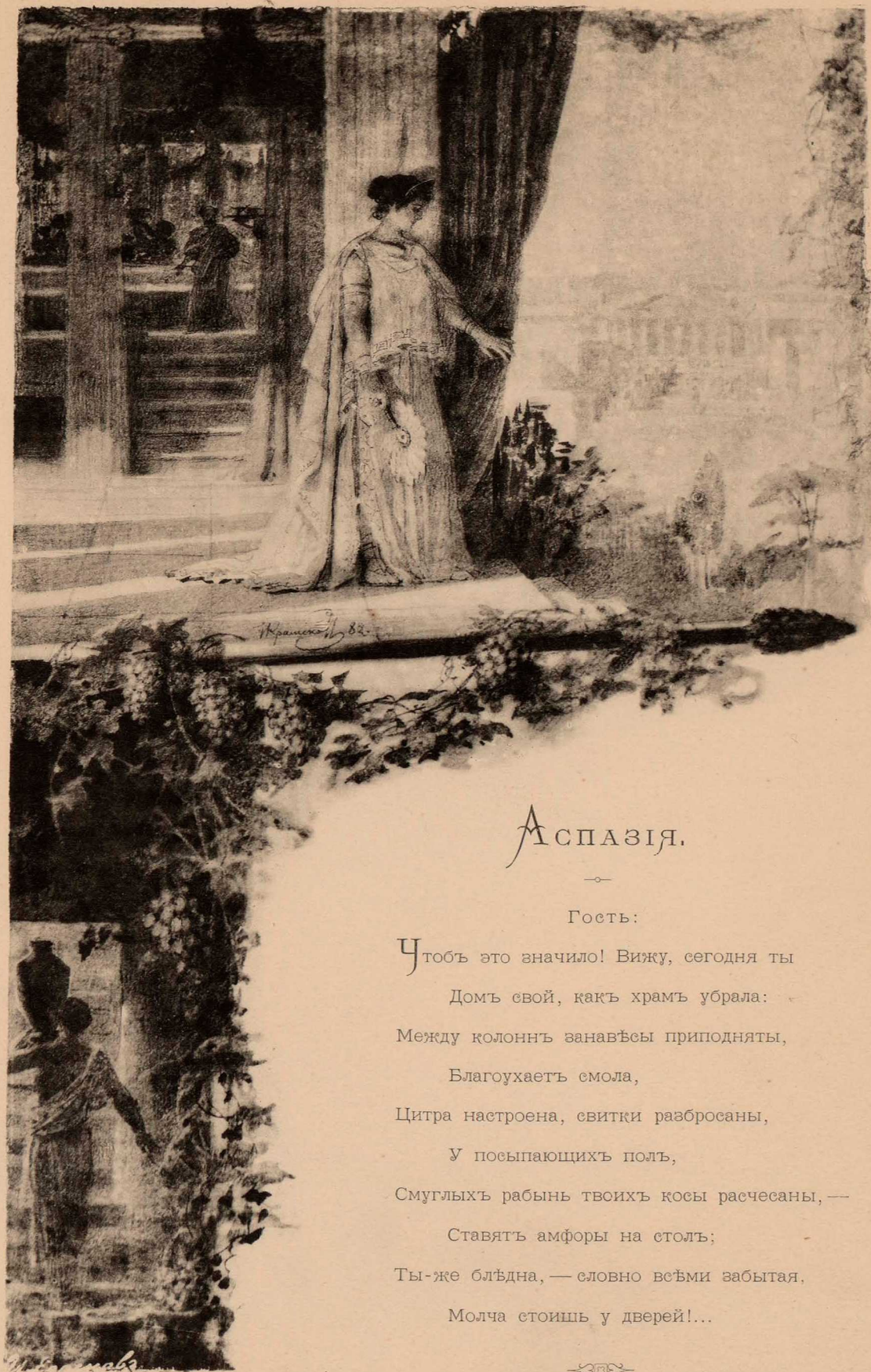
Пусть мой творецъ топить мой Вавилонъ,
Пусть утучняетъ костями
Мой вертоградъ,—я поставлю мой тронъ
Надъ облаками, съ звѣздами...
Выше громовъ я возсяду на немъ,
И не смущаемый ревомъ
Хлябей морскихъ, буду съ гнѣвнымъ творцомъ
Я говорить съ тѣмъ-же гнѣвомъ.

—o—

Пусть, я скажу ему, стрѣлы твои
Славу мою озаряютъ,
Тучи твои лижутъ ноги мои,
Бури твои — освѣжаютъ...
Звѣздный вѣнецъ твой горитъ надо мной,
Въ то же одѣтъ я убранство,
Той же вселенной я вмѣстѣ съ тобой
Обозрѣваю пространство...

Кривош. 1, 22. 20

АСПАЗІЯ.

Гость:

Чтобъ это значило! Вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты,
Благоухаетъ смола,
Цитра настроена, свитки разбросаны,
У посыпающихъ полъ,
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны, —
Ставятъ амфоры на столъ;
Ты-же блѣдна, — словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей!...

Аспазія:

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей:
Шумъ ея замеръ, и — это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь...
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я —
Это — Периклъ говоритъ...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ, весь городъ молчитъ...
Чу! — шумъ на площади... рукоплесканія...
Друга вѣнчаетъ народъ...
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ, изъ собранія,
Онъ въ эти двери войдетъ...

Подсолнечное царство

Клонить сонъ — стихи прощайте!
Погасай моя свѣча. —
Сплю — и слышу, будто гдѣ-то
Ходить маятникъ стуча.

* * *

Ходить маятникъ, и — сонный —
 Чтобъ догнать его скорѣй,
 Какъ по воздуху, иду я
 Вдаль за тридевять полей.

* * *

И хочу я въ тридесѣтомъ
 Государствѣ кончить путь,
 Чтобъ хоть тамъ свободнымъ словомъ
 Облегчить больную грудь.

* * *

Иллюстрация
 1882.

И я вижу — въ тридесатомъ
Государствѣ на часахъ,
Сторожа стоятъ въ туманѣ
Съ самострѣлами въ рукахъ.

* * *

На мосту собака лаетъ, —
И въ испугѣ, черезъ садъ,
Я иду подъ сводъ какихъ-то
Фантастическихъ палатъ.

* * *

Узнаю родныя стѣны...
И тайкомъ иду въ покой,
Гдѣ подсолнечнаго царства
Царь лежитъ съ своей женой.

* * *

Котъ мурлычить на лежанкѣ;
Свѣтитъ лампа — царь не спитъ —
И сѣдая, изъ подушекъ,
Борода его торчитъ.

* * *

На глаза колпакъ напяливъ,
Шевелить онъ бородой,
И ведетъ такія рѣчи
Обо мнѣ съ своей женой.

* * *

Сокрушилъ меня царевичъ,
Кто мнѣ что ни говори —
А любя стихи да рифмы,
Не годится онъ въ цари.

Я лишу его наслѣдства.
А жена ему въ отвѣтъ:
Будетъ обѣдненный по царству
Онъ скитаться какъ поэтъ. —

* * *

Но — сказалъ отецъ, дозволимъ
Мы за это такъ и быть,
Нашей фрейлинѣ съ безумцемъ
Одиночество дѣлить.

* * *

У нея въ лицѣ любовью
Дышетъ каждая черта,
У него — въ стихахъ не даромъ
Все любовь, да красота.

* * *

— Но — отвѣтила царица:
Наша фрейлина горда,
И отвергнутаго нами
Не полюбитъ никогда.

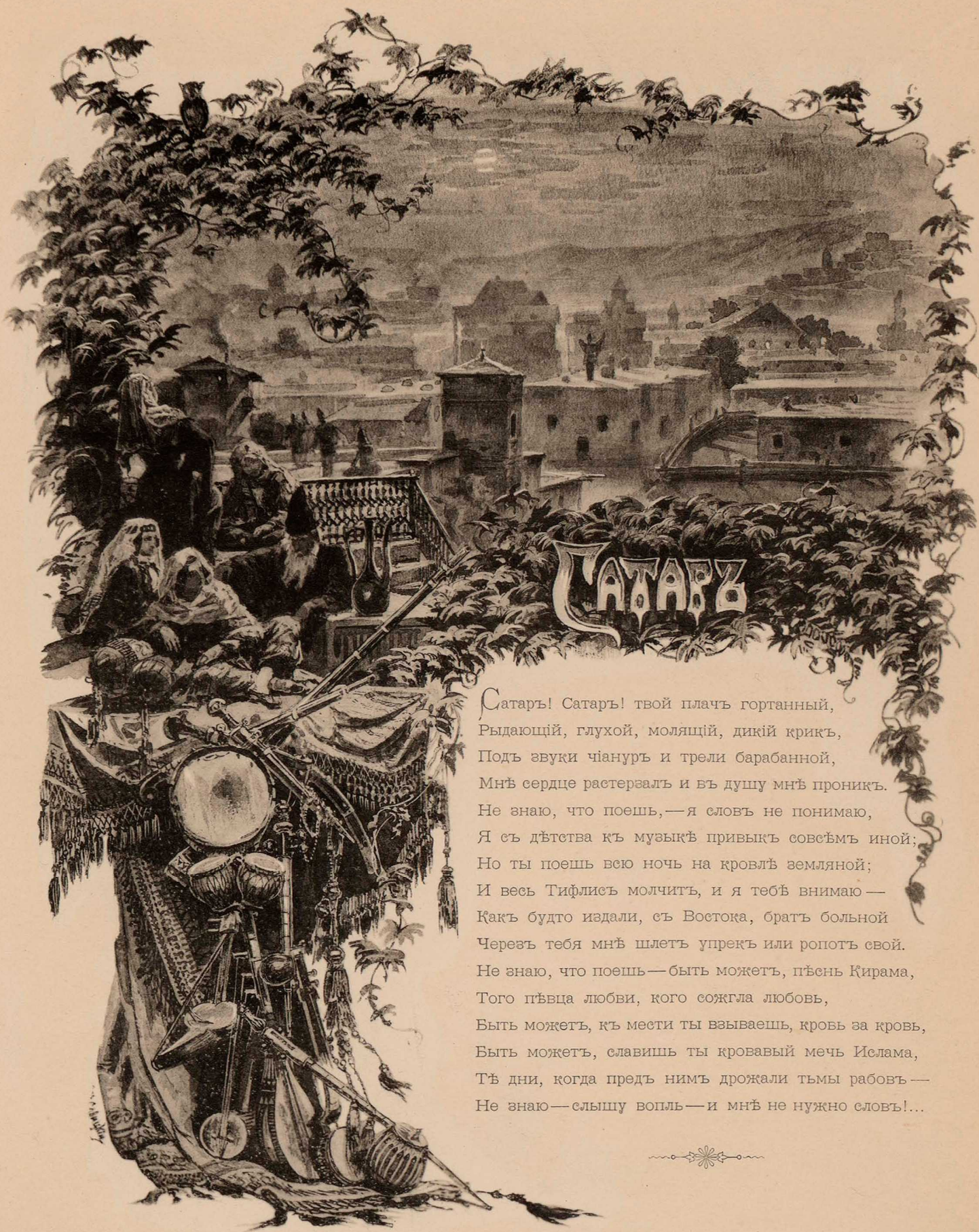
* * *

Ахъ! — кричу я имъ: лишите
Вы меня всего, всего...
Все-то ваше царство врядъ-ли
Стоитъ сердца моего!

* * *

Неужель она, чьи очи
Свѣтятъ раемъ, такъ горда,
Что отвергнутаго вами
Не полюбитъ никогда?!

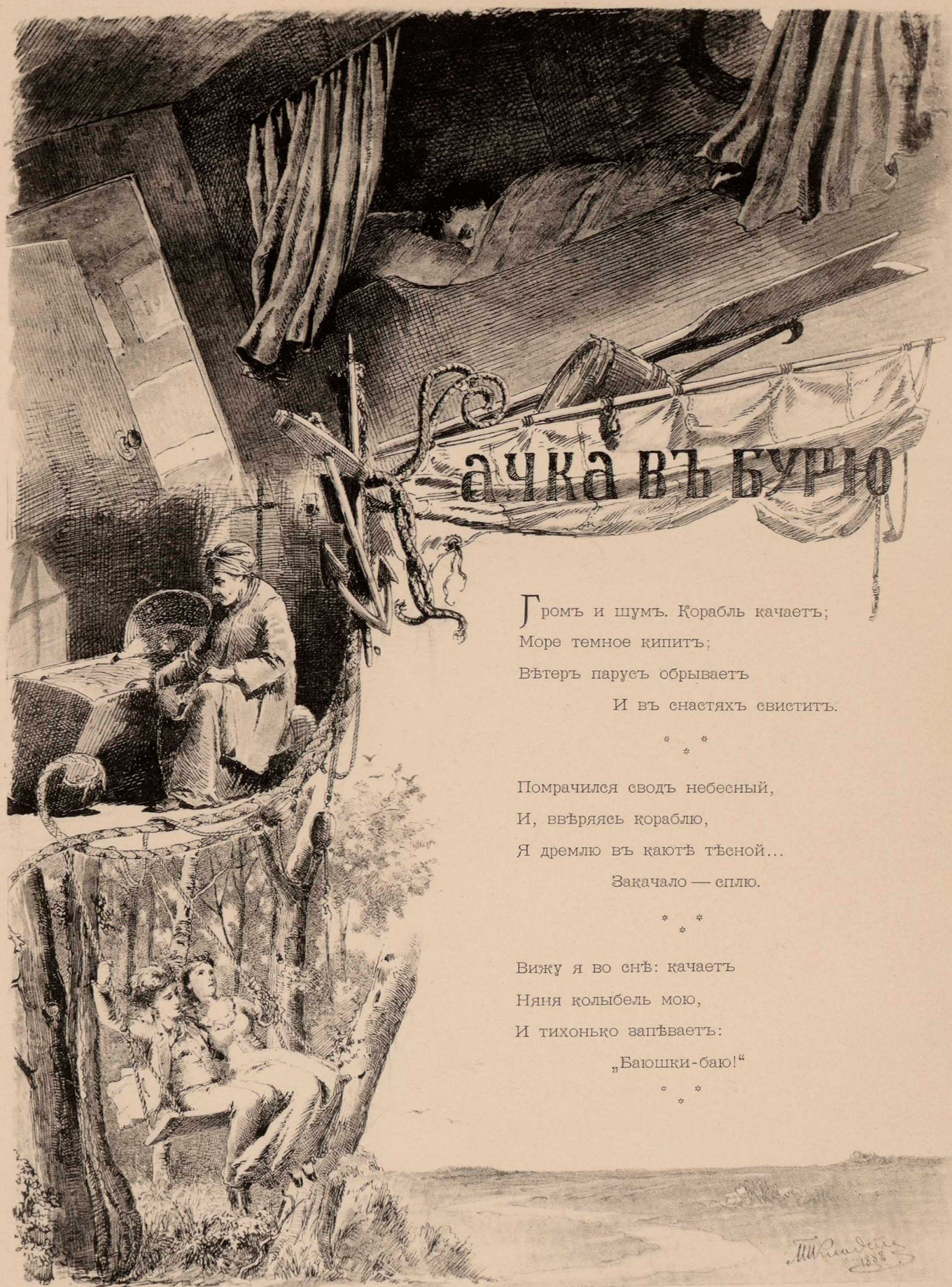

САТАРЪ

Сатаръ! Сатаръ! твой плачь гортанный,
Рыдающий, глухой, молящий, дикий крикъ,
Подъ звуки чіануръ и трели барабанной,
Мнѣ сердце растерзалъ и въ душу мнѣ проникъ.
Не знаю, что поешь, — я словъ не понимаю,
Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совсѣмъ иной;
Но ты поешь всю ночь на кровлѣ земляной;
И весь Тифлисъ молчить, и я тебѣ внимаю —
Какъ будто издали, съ Востока, братъ больной
Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ или ропотъ свой.
Не знаю, что поешь — быть можетъ, пѣснь Кирама,
Того пѣвца любви, кого сожгла любовь,
Быть можетъ, къ мести ты взываешь, кровь за кровь,
Быть можетъ, славишь ты кровавый мечъ Ислама,
Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ —
Не знаю — слышу вопль — и мнѣ не нужно словъ!...

Ачка въ бурю

Громъ и шумъ. Корабль качаетъ;
Море темное кипитъ;
Вѣтеръ парусъ обрываетъ
И въ снастяхъ свиститъ.

* * *

Помрачился сводъ небесный,
И, ввѣрясь кораблю,
Я дремлю въ каютѣ тѣсной...
Закачало — сплю.

* * *

Вижу я во снѣ: качаетъ
Няня колыбель мою,
И тихонько запѣваетъ:
„Баюшки-баю!“

* * *

М. Роден
1888

Свѣтъ лампы на подушкахъ;
На гардинахъ свѣтъ луны...
О какихъ-то все игрушкахъ
Золотые сны.

* * *

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое?! Новый шквалъ?!
— Плохо — стѣнга обломилась,
„Рулевой упалъ“.

* * *

Что же дѣлать? Что могу я?
И, вѣряясь кораблю,
Вновь я легъ и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

* * *

Снится мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ, мечты кипятъ...
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ.

Скоро ночь — темнѣютъ ели...
Слышу ласково-живой,
Тихій лепетъ: На качели
„Сядемъ, милый мой!“

* * *

Станъ ея полувоздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска.

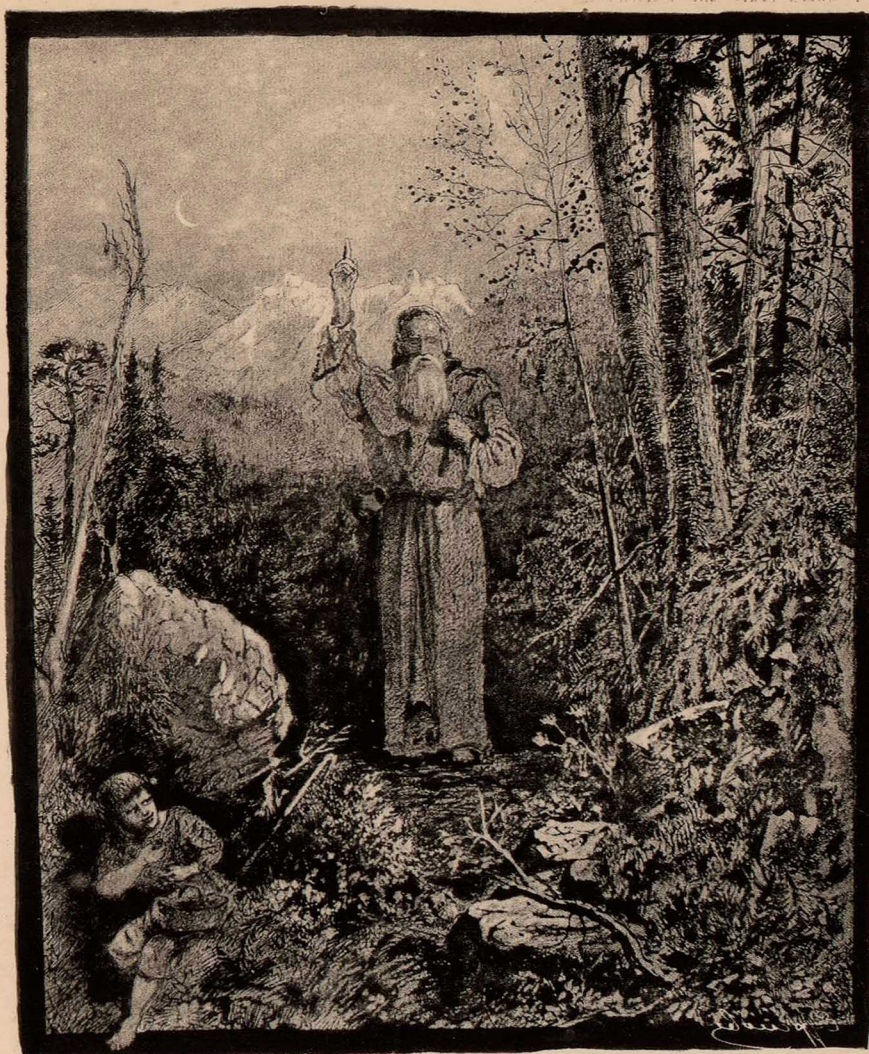
* * *

Просыпаюсь... Что случилось?
Руль оторванъ; черезъ носъ
Вдоль волна перекатилась,
„Унесенъ матросъ!“

* * *

Что же дѣлать? Будь, что будетъ!
Въ руки Бога отдаюсь;
Если смерть меня разбудитъ —
Я не здѣсь проснусь.

Баба-проповѣдникъ.

Быль вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Баба слѣпой:
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ;
Однѣ только сосны росли вѣковья,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

* * *

Но мальчику усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать —
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
„Старикъ!“ онъ сказалъ: я пойду отдохнуть;
„А ты, если хочешь, начни проповѣдать —

„Съ вершинъ увидали тебя пастухи.
„Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
„Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
„О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!“

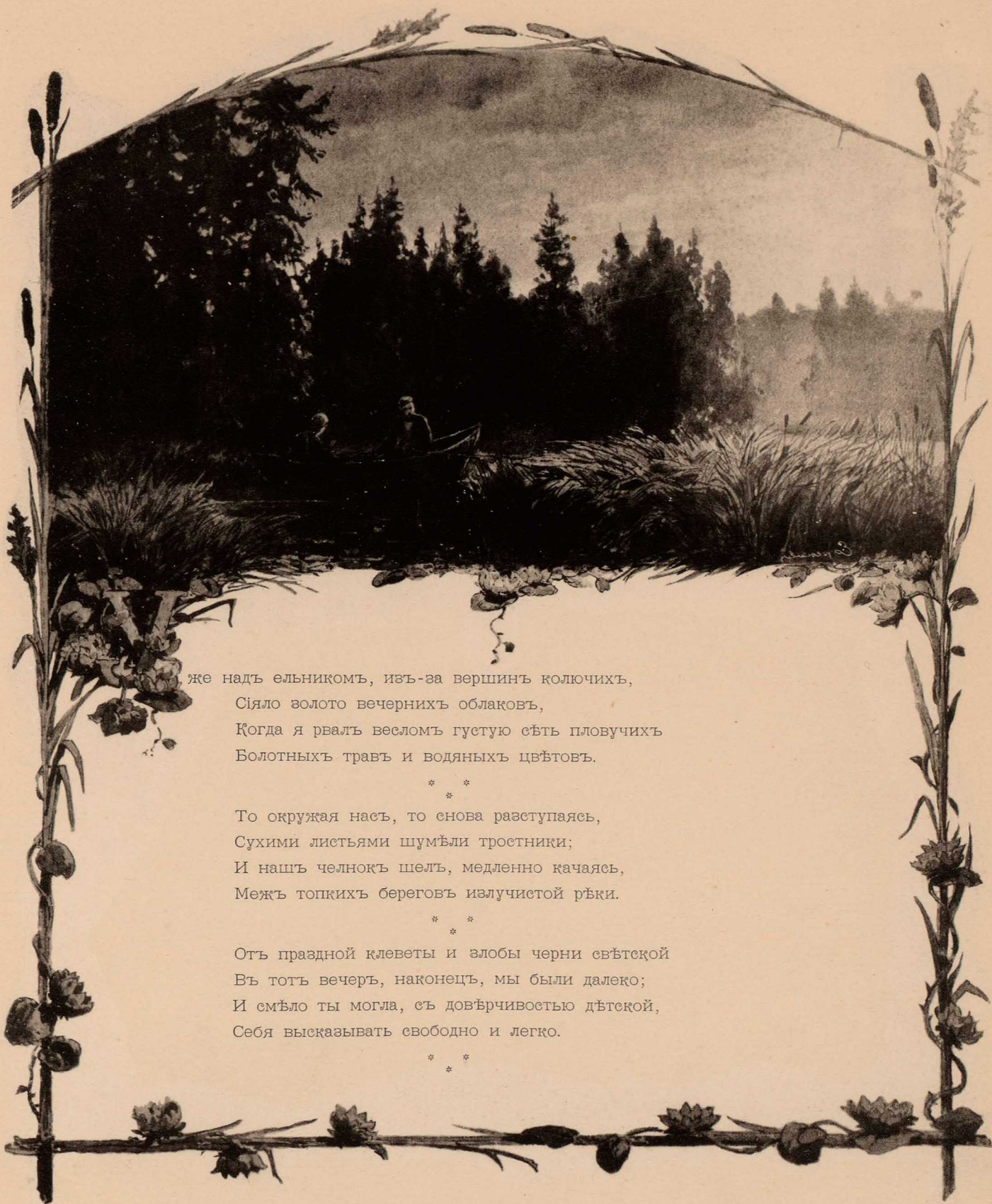
* *
*

И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой;
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось — слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!

* *
*

Но вотъ, ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца блѣдный лучъ въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветь его мальчикъ, смѣясь и толкая:
„Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...“
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ — отъ края до края:
Аминь! ему грянули камни въ отвѣтъ.

И же надъ ельникомъ, изъ-за вершинъ колючихъ,
Сіяло золото вечернихъ облаковъ,
Когда я рвалъ весломъ густую сѣть пловучихъ
Болотныхъ травъ и водяныхъ цвѣтовъ.

* * *

То окружая насъ, то снова разступаясь,
Сухими листьями шумѣли тростники;
И нашъ челнокъ шелъ, медленно качаясь,
Межъ топкихъ береговъ излучистой рѣки.

* * *

Отъ празднои клеветы и злобы черни свѣтлой
Въ тотъ вечеръ, наконецъ, мы были далеко;
И смѣло ты могла, съ довѣрчивостью дѣтской,
Себя высказывать свободно и легко.

* * *

И голосъ твой пророческій былъ сладокъ,
Такъ много въ немъ дрожало тайныхъ слезъ;
И мнѣ плѣнительнымъ казался безпорядокъ
Одежды траурной и свѣтлорусыхъ косъ.

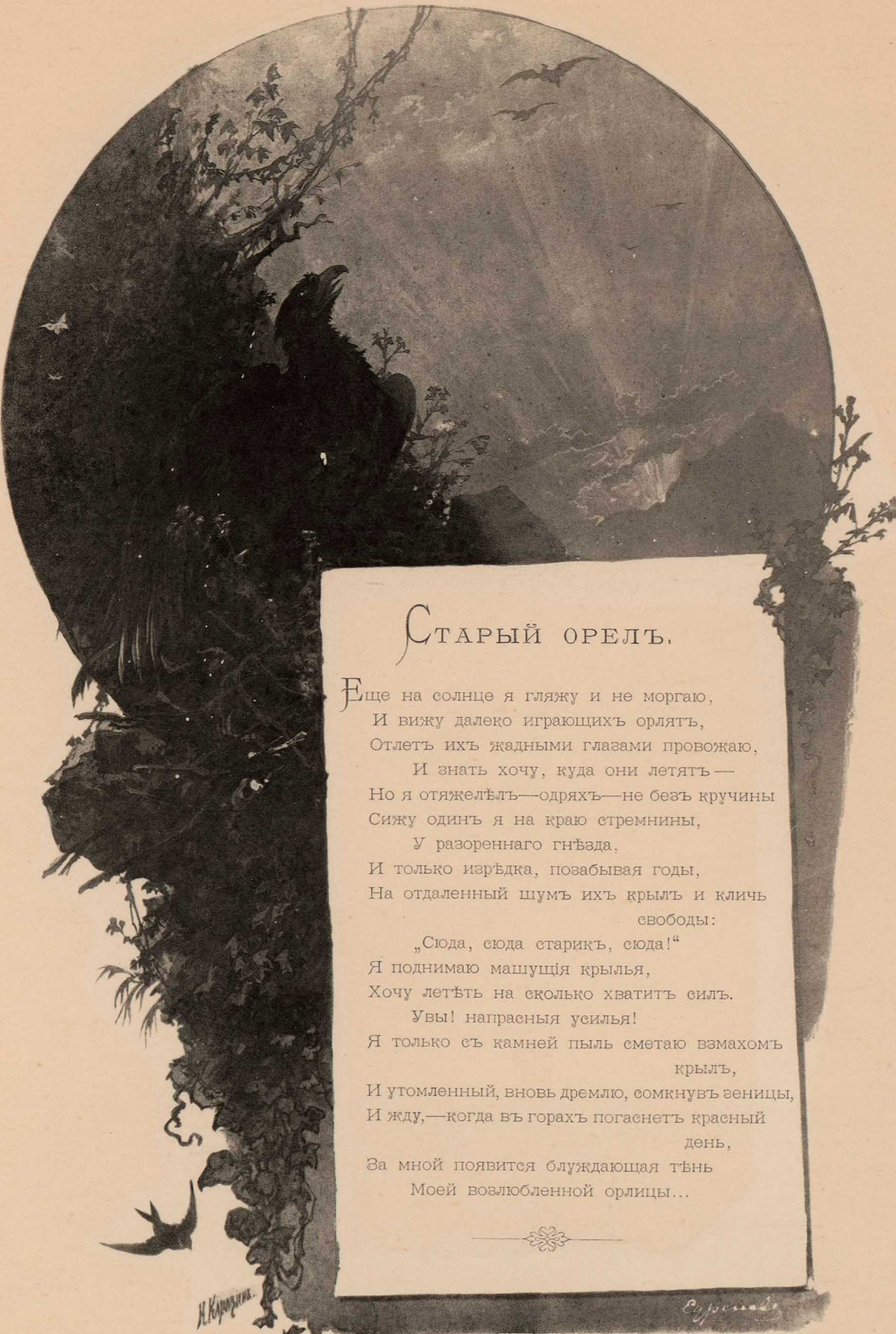
* *
*

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я въ глубину глядѣлъ, гдѣ тысяча корней
Болотныхъ травъ невидимо сплеталась,
Подобно тысячѣ живыхъ, зеленыхъ змѣй.

* *
*

И міръ иной мелькалъ передо мною,
Не тотъ прекрасный міръ, въ которомъ ты жила,
И жизнь казалась мнѣ суровой глубиною,
Съ поверхностью, которая свѣтла.

СТАРЫЙ ОРЕЛЪ.

Еще на солнце я гляжу и не моргаю,
И вижу далеко играющих орлятъ,
Отлетъ ихъ жадными глазами провожаю,
И знать хочу, куда они летятъ —
Но я отяжелѣлъ—одряхъ—не безъ кручины
Сажу одинъ я на краю стремнины,
У разореннаго гнѣзда,
И только изрѣдка, позабывая годы,
На отдаленный шумъ ихъ крылъ и кличъ
свободы:

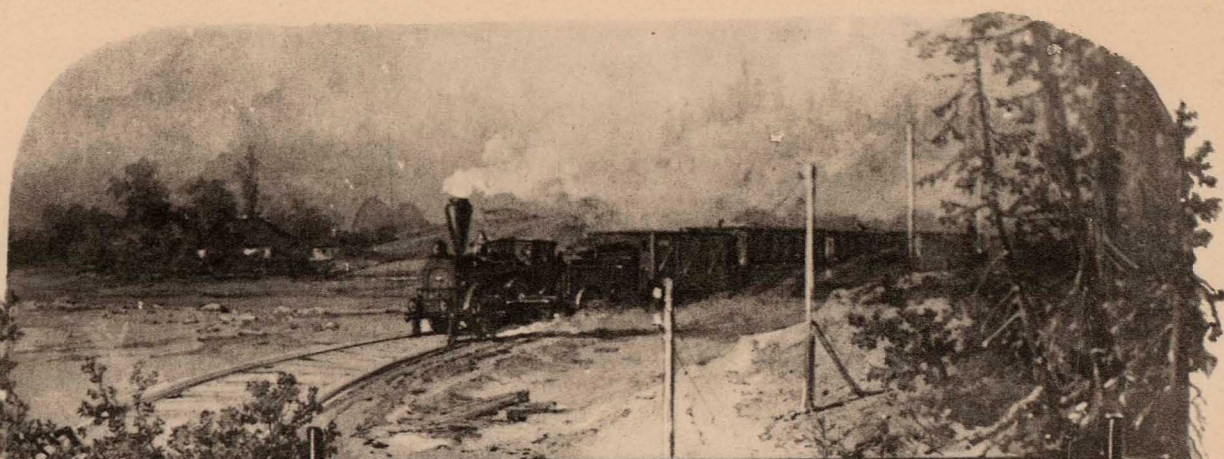
„Сюда, сюда старикъ, сюда!“

Я поднимаю машущія крылья,
Хочу летѣть на сколько хватить силъ.
Увы! напрасныя усилія!

Я только съ камней пыль сметаю взмахомъ
крылъ,

И утомленный, вновь дремлю, сомкнувъ зеницы,
И жду,—когда въ горахъ погаснетъ красный
день,

За мной появится блуждающая тѣнь
Моей возлюбленной орлицы...

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Мчится, мчится желѣзный конекъ:
По желѣзу желѣзо гремитъ;
Паръ клубится, несется дымокъ —
Мчится, мчится желѣзный конекъ —
Подхватилъ, посадилъ — да и мчитъ!

* * *

И лечу я, за дѣломъ лечу —
Дѣло важное — время не ждетъ,
Ну, конекъ! я покуда молчу...
Погоди, соловьемъ засвищу,
Коли дѣло то въ гору поидетъ...

* * *

Вонъ, на встрѣчу несется лѣсокъ,
Черезъ балки грохочутъ мосты,
И цѣпляется паръ за кусты;
Мчится, мчится желѣзный конекъ—
Навѣвая то сны, то мечты...

* * *

Вотъ и родина! Вонъ, въ сторонѣ
Тесомъ крытая кровля встаетъ;
Темный садикъ, скирды на гумнѣ,
Тамъ старушка одна, чай, по мнѣ
Изнываетъ, родимая, ждать...

* * *

Заглянулъ бы я къ ней въ уголокъ,
Отдохнулъ бы въ тѣни тѣхъ березъ,
Гдѣ такъ много посѣяно грезъ...
Мчится, мчится желѣзный конекъ—
И свистя, катитъ сотни колесъ.

* * *

Вонъ, рѣка, — блескъ и — тѣнь камыша:
Красна дѣвица съ горки идетъ. —
По тропинкѣ идетъ не спѣша;
Можетъ быть золотая душа...
Можетъ быть красота изъ красотъ

Познакомиться съ ней я бы могъ
И не все-жъ пустяки городить —
Самъ бы могъ, наконецъ, полюбить...
Мчится, мчится желѣзный конекъ—
И желѣзная тянется нить...

* * *

Вонъ, вдали, на закатѣ пестрятъ
Колокольни, дома и острогъ,—
Однокашникъ мой тамъ, говорятъ,
Вѣчно борется, жизни не радъ—
И къ нему завернуть бы я могъ.—

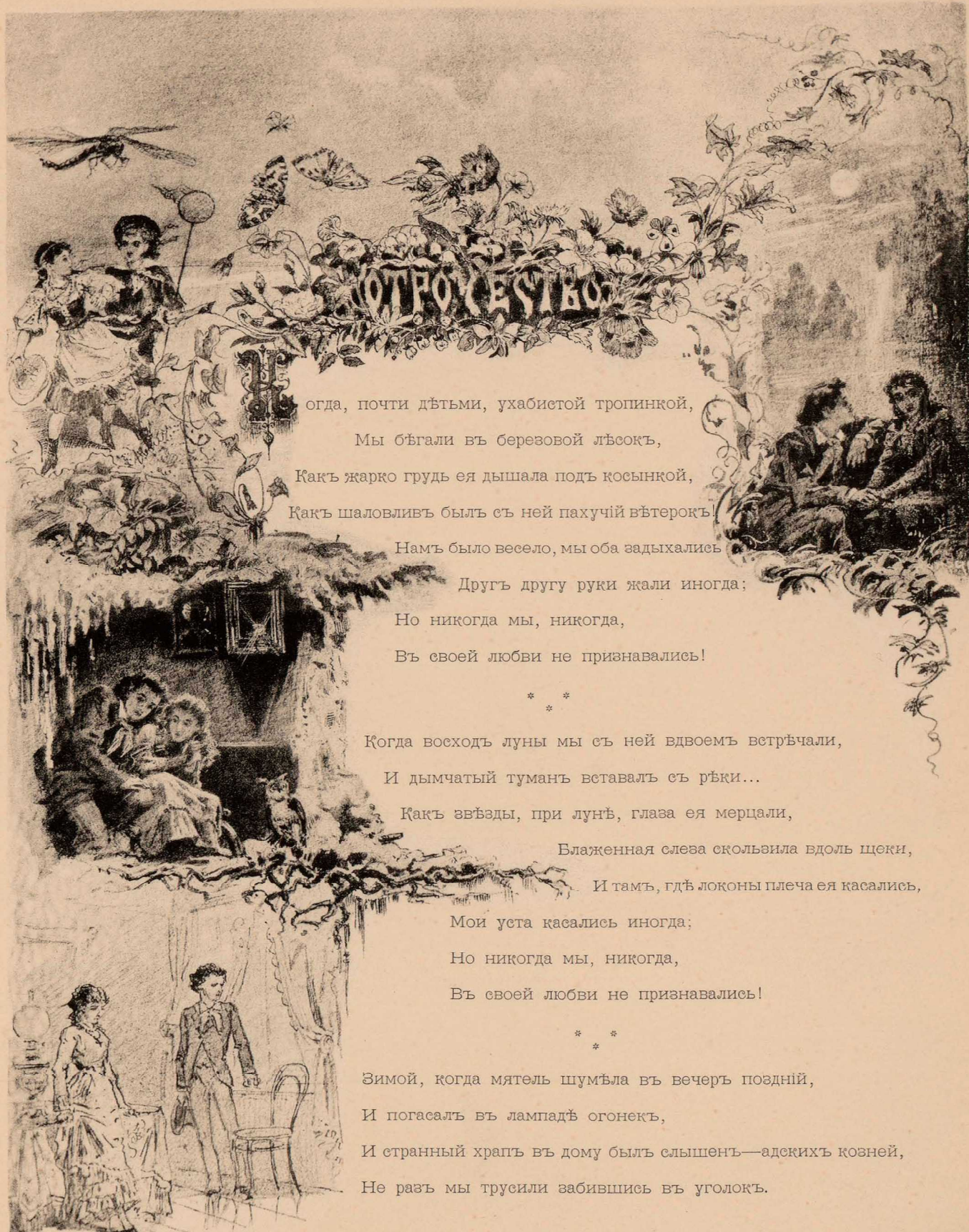
* * *

Поболталъ бы я съ нимъ хоть часокъ!
Хоть не много имъ прожито лѣтъ,
Да не мало испытано бѣдъ.—
Мчится, мчится желѣзный конекъ—
Сбѣтъ искры, летучія въ слѣдъ.

* * *

И, крутя ихъ, несетъ вѣтерокъ
На росу потемнѣвшей земли;
И сквозь сонъ мнѣ желѣзный конекъ
Говорить: ты за дѣломъ, дружокъ,
Такъ ты нѣжность-то къ черту пошли...

ОТРОЧЕСТВО

Когда, почти дѣтьми, ухабистой тропинкой,
Мы бѣгали въ березовой лѣсокъ,
Какъ жарко грудь ея дышала подъ косынкой,
Какъ шаловливъ былъ съ ней пахучій вѣтерокъ!
Намъ было весело, мы оба задыхались

Другъ другу руки жали иногда;
Но никогда мы, никогда,
Въ своей любви не признавались!

* * *

Когда восходъ луны мы съ ней вдвоемъ встрѣчали,
И дымчатый туманъ вставалъ съ рѣки...
Какъ звѣзды, при лунѣ, глаза ея мерцали,
Блаженная слеза скользила вдоль щеки,
И тамъ, гдѣ локоны плеча ея касались,
Мои уста касались иногда;
Но никогда мы, никогда,
Въ своей любви не признавались!

* * *

Зимой, когда мятель шумѣла въ вечеръ поздній,
И погасалъ въ лампадѣ огонекъ,
И странный храпъ въ дому былъ слышенъ—адекихъ козней,
Не разъ мы трусили забившись въ уголокъ.

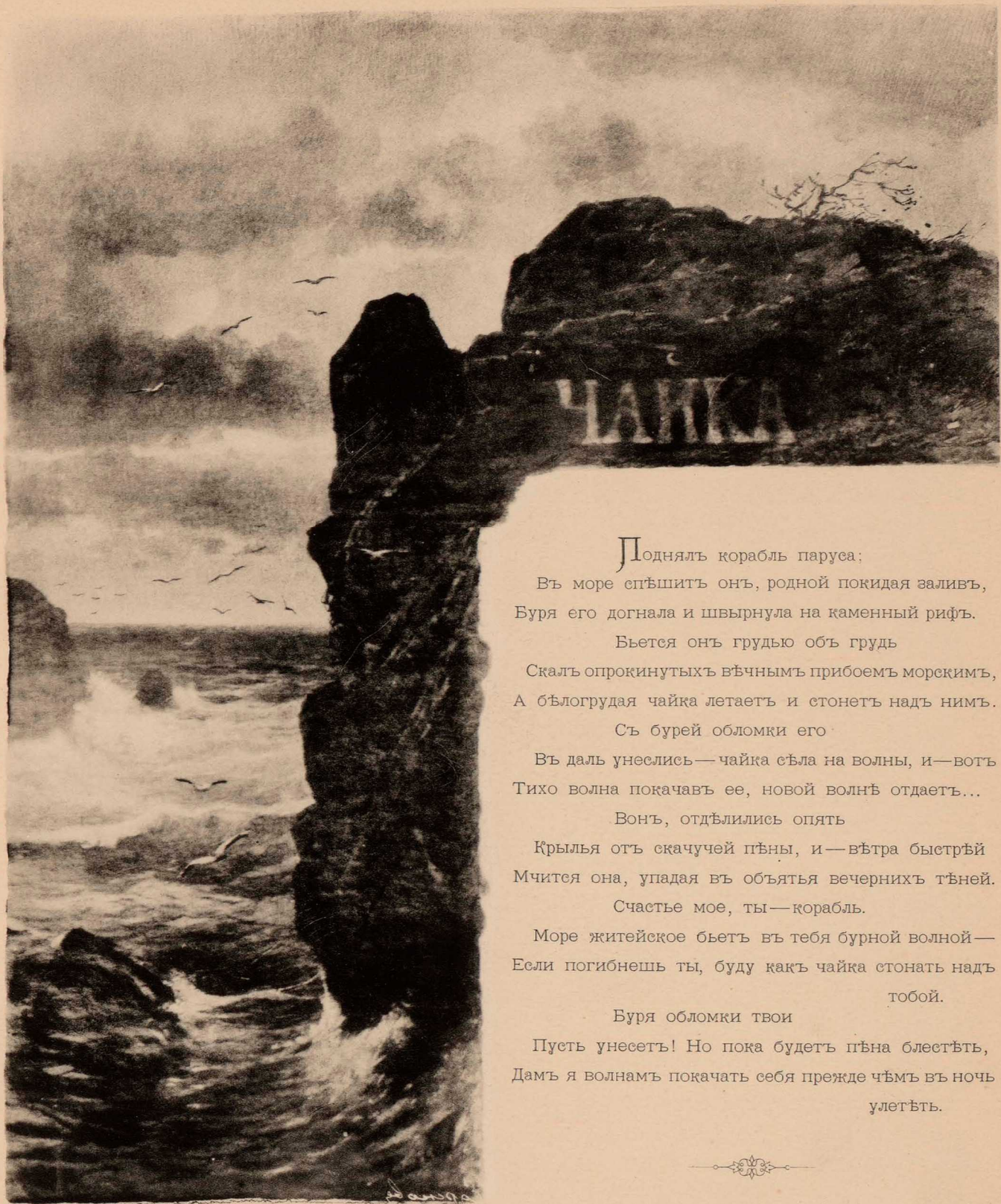
К. Савицкий

Тогда плечомъ къ плечу въ потьмахъ мы робко жались,
Быть можетъ, цѣловались иногда;
Но никогда мы, никогда,
Въ своей любви не признавались!

* * *

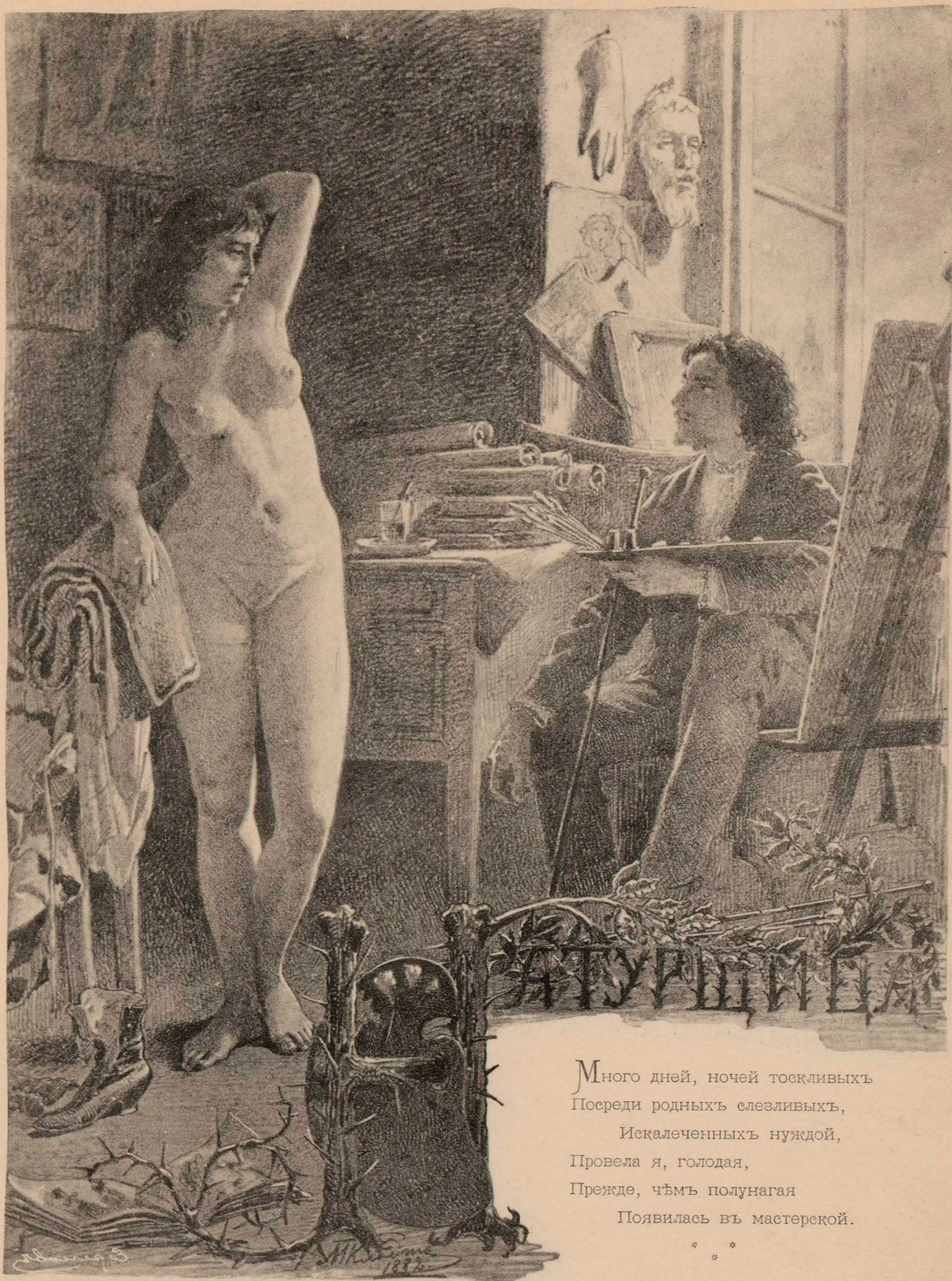
Но вотъ, жизнь грубая на все дохнула прозой,
Неопытныхъ дѣтей подстерегла,
Мнѣ отравила умъ неслыханной угрозой,
Постыдной клеветой ей душу обожгла,
И какъ враги съ тѣхъ поръ другъ друга мы чуждались—
Мы смутно понимали въ чемъ бѣда...
И все вдругъ поняли, когда
Въ прощальный часъ въ любви признались

Поднялъ корабль паруса:
Въ море спѣшитъ онъ, родной покидая заливъ,
Буря его догнала и швырнула на каменный рифъ.
Бьется онъ грудью объ грудь
Скаль опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ морскимъ,
А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.
Съ бурей обломки его
Въ даль унеслись — чайка сѣла на волны, и — вотъ
Тихо волна покачавъ ее, новой волнѣ отдаетъ...
Вонъ, отдѣлились опять
Крылья отъ скачучей пѣны, и — вѣтра быстрѣй
Мчится она, упавая въ объятья вечернихъ тѣней.
Счастье мое, ты — корабль.
Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной —
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ
тобой.
Буря обломки твои
Пусть унесетъ! Но пока будетъ пѣна блестѣть,
Дамъ я волнамъ покачать себя прежде чѣмъ въ ночь
улетѣть.

Много дней, ночей тоскливыхъ
Посреди родныхъ слезливыхъ,
Искалеченныхъ нуждой,
Провела я, голодая,
Прежде, чѣмъ полунагая
Появилась въ мастерской.

* * *

Помню все, какъ я дрожала,
Колебалась умоляла:

„Завяжите хоть глаза!...“

И когда я вдругъ явилась
Нимфой, — горькая скатилась
По щекамъ моей слеза.

* * *

Стыдъ прошелъ, и вотъ изъ нужды,
Я служу искусству; — чужды

Мнѣ приличья свѣтскихъ дамъ.

Какъ онѣ — я не скрываюсь,
И, когда я раздѣваюсь,

Раздѣвать себя не дамъ.

* * *

Дальше руки! — Наготовою —

Богомъ данной красою,

Я пришла не соблазнять.

Обожай, какъ душу, тѣло.

Вотъ оно — скорѣй за дѣло —

Начинай съ меня писать...

* * *

Изъ окна здѣсь вѣетъ лѣтомъ,

Весь мой торсъ проникся свѣтомъ

Отъ плеча и до колѣнъ.

Мнѣ не стыдно, не обидно;

Только такъ... порой завидно;

Отъ чего я не манкенъ!

* * *

Твой манкенъ не просить хлѣба
Не боится кары неба,

Не клянеть своей судьбы;

Онъ не знаетъ обидъ напрасныхъ,

Соблазнительей безастранныхъ, —

Сокрушительной борьбы.

* * *

Кисть изъ рукъ твоихъ упала...

И тебѣ борьбы не мало

Предстоитъ. Бѣднякъ! учись!

Напряги свое вниманье:

Я стою, какъ изваянье,

Ты въ терпѣнье превратись.

* * *

Дни, года пройдутъ, — быть можетъ,

Нагота моя поможетъ

И тебѣ карманъ набить.

Я же, снова голодая,

Можетъ быть приду, больная,

Подъ окно твое — просить...

